

признании и юридическом закреплении социально-правовых ценностей, в основе ее должно быть единодушие интересов и воли всех групп гражданского общества, наций и народностей, которые составляют государственно-организованное общество. Это и составляет суть основных аксиологических характеристик Конституции Республики Казахстан.

1. Малько М.П. Предмет конституционной аксиологии // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 19(200). Право. Вып. 24. С. 34-37.

2. Конституционный закон Республики Казахстан от 16 октября 1995 года № 2529 «О Парламенте Республики Казахстан и статусе его депутатов»: Режим доступа: http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z950002529_2

Қоғамов М.Ч. - модератор

Человек и гражданин, его права и свободы – извечная тема, сопряженная с эффективностью правотворчества, правоприменения, уровнем правовой культуры общества и личности. Тема доклада одного из разработчиков современной социологии права в России, дважды доктора наук, при этом с глубокой «философской оснасткой» д.ю.н. Жукова В.Н.

Жуков В.Н. - доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

ЦЕННОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Применительно к теме конференции («Ценность человека в евразийской модели конституционализма: от идей к реальности (к 25-летию

Конституции Республики Казахстан)») хотелось бы остановиться на нескольких вопросах.

1. Когда говорят о евразийской правовой культуре, то обычно делают отсылку к учению евразийцев, возникшему в 1920-х гг. в среде русской эмиграции. В этой связи необходимо дать историческую справку, поскольку зачастую это движение и его идеология характеризуются и неполно, и неверно. Евразийское учение – это разновидность русского консерватизма, русского национализма и русского империализма. Одной из целей евразийского учения было обоснование объединительной роли русского народа и русского государства. Евразийцы утверждали, что Европа и Азия (окраины Старого Света) связаны между собой исключительно благодаря евразийскому континенту (России). Если устранить этот объединительный центр, то вся система материковых окраин (Европа, Передняя Азия, Иран, Индия, Индокитай, Китай, Япония) распадется. Только в той мере, в какой Россия выполняет интегрирующую роль, снимается противостояние Востока и Запада.

Таким способом подводилась теоретическая платформа под активную внешнеполитическую деятельность русского государства, начатую, с точки зрения евразийцев, еще русскими царями и продолженную Советской властью.

Евразийское учение – это совокупность гипотез, многие из которых не нашли своего подтверждения в современной исторической науке (например, тезис о благотворном влиянии монгольского нашествия). Вместе с тем многое из сказанного ими представляется верным (в частности, их характеристика евразийской культуры). При этом следует иметь в виду, что под евразийской культурой они подразумевали главным образом русскую культуру, включившую в себя туранский (азиатский) компонент. Их интересовало, в какой мере русская правовая культура совмещает в себе европейский и азиатский компоненты, что и в настоящее время остается весьма актуальной научной проблемой.

2. Проблема ценности человека – популярная тема у философов, социологов, политологов, культурологов и, конечно, юристов (в частности, у конституционалистов). Категория ценности человека имеет много аспектов, ее структура сложна. Ценность человека состоит, как минимум, из двух компонентов. Первый – это его ценность для коллектива, его способность быть строительным материалом для социальных институтов, выступать в роли средства для общества. Второй – это ценность человека для себя самого, проявляющаяся в его личностном, индивидуалистическом сознании (человек как цель самого себя).

Для продолжительного и относительно стабильного состояния любого коллектива необходимы оба компонента, но их значение различно. Как представляется, первый компонент является основным, второй – второстепенным, дополнительным.

Главное в любом коллективе – интересы большинства, которое подчиняет себе интересы индивида. Интересы большинства могут быть разнообразны, но сводятся к двум главным: физическое выживание коллектива (борьба за материальные ресурсы) и обеспечение его безопасности. Власть и социальные нормы предстают как требование коллектива к индивидам руководствоваться данными интересами. В каждом обществе соотношение первого и второго компонентов свое, общая тенденция (если иметь в виду историю человечества) – развитие индивидуалистического начала, но при сохранении неизменного принципа: приоритет общего интереса. В противном случае коллектив распадается.

Во многих конституциях постсоветских государств устанавливается принцип, согласно которому человек и его права являются высшей ценностью. Это, конечно, очевидный перекоп, связанный с политической конъюнктурой. Постсоветские государства, объявив международному сообществу и своему народу цель в виде построения либеральной демократии, хотели как можно ярче продемонстрировать свои намерения.

Конечно, любая конституция – это всегда акт политической пропаганды, призванный формировать у подвластного населения и других стран соответствующий образ власти и страны. Вместе с тем, и политическая пропаганда должна знать свои границы, чтобы не превращаться в откровенную мифологию, вызывающую иронию у населения. Здесь нужно вспомнить классику конституционализма, а именно Ф. Лассаля, который еще в середине XIX в. утверждал: реальная конституция – это соотношение политических сил в стране. Иначе говоря, конституция хотя и должна выступать своего рода идеалом, но не настолько, чтобы отрываться от жизни.

Провозглашение прав человека высшей ценностью – типичный отрыв от жизни. Ценность человека не может быть выше ценности общества, нации или государства, что хорошо видно в условиях войны. Этнос, нация, поставленная в результате войны на грань физического выживания, готова будет к большим человеческим жертвам ради победы над врагом. Обращает на себя внимание тот факт, что в странах Запада, как правило, такого перекоса нет. Билли о правах, принятые в ходе американской и английской революций, – документ второго порядка. Первое, о чем заботилась буржуазия, – это организация государственной власти, права человека подразумевались, шли вторым планом. Правящий политический класс (а именно он фактически разрабатывает и обеспечивает принятие нужной ему конституции) прежде всего думает не о правах человека, а об организации своей власти.

3. Как представляется, в России, Казахстане, Китае, Корее (Южной и Северной), Индии, Японии, других странах Азии нет своих собственных традиций, развивающих индивидуалистическое сознание. Институты и ценности либеральной демократии, введенные в этих странах, – результат западного влияния. Так, в России (начиная примерно со второй половины XVII в.) носителями западной культуры было главным образом дворянство – весьма тонкий социальный слой. Именно благодаря ему были успешно проведены либеральные реформы 60–70-х годов XIX в. (в частности, реформа

суда). Большевистская революция, уничтожив дворянство как класс (лояльная его часть постаралась интегрироваться в новое советское общество), приобщила к управлению страной огромные крестьянские массы (на лето 1917 г. – около 80% населения страны, по большей части неграмотное), что не могло не сказаться на общей политической атмосфере.

Институты власти, созданные из этого человеческого материала, не могли не породить сталинский тоталитарный социализм. В известном смысле сбылась мечта народников и их наследников эсеров: крестьянский социализм, порожденный сознанием и психологией русского крепостного, стал реальностью, которая оказалась советским тоталитаризмом, чаяния русского мужика трансформировались в большевистскую диктатуру, вместо «земли и воли» (лозунг народников) он получил принудительный труд в колхозах и на стройках ГУЛАГа. Таков трагифарс русской истории. В конечном счете имплантация элементов либеральной демократии в Российскую Империю, советское и постсоветское российское государство привела к тяжелым последствиям – революциям 1917 и 1991 гг., либо разрушившим, либо серьезно ослабившим институты государственной власти.

Вывод очевиден: либеральная демократия крайне тяжело прививается на русской почве, что, несомненно, является весьма болезненной проблемой современного российского общества.

Таким образом, страны, поставившие перед собой цель имплантировать в свою национальную правовую культуру элементы либеральной демократии, должны осознавать тот естественный предел, который нельзя переходить без ущерба для своей государственности.

Қоғамов М.Ч. - модератор

Пункт 3 статьи 77 Конституции РК изобилует закреплением принципов правосудия, в том числе уголовной политики государства, их десять, в этом ключе доклад д.ю.н. профессора Нуртаева Р.Т.